

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-3-29-36

© И. В. АРШИНОВА

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ В ВОСПОМИНАНИИ Э. А. КАЗАЛЕТА: ВОССТАНОВЛЕНИЕ И «ПЕРЕСОБИРАНИЕ» ПАМЯТИ*

Существование «Трудов Англо-русского литературного общества», выходявших в Лондоне с 1893 по 1920 год, хронологически совпало с радикальным переломом в истории рецепции русской литературы в Великобритании в целом¹ и в истории восприятия творчества Ф. М. Достоевского в отдельности: за эти 27 лет популярность Достоевского из сравнительно малой выросла до размеров «культы», что соответствующим образом на всем протяжении этого периода отражалось в количестве и содержании разного рода откликов на его творчество.² Англо-русское литературное общество, по мере роста и развития захватывавшее в поле своего рассмотрения все больше сфер англо-русского культурного взаимодействия (с выраженным акцентом на свидетельствах британского интереса к России), также не могло остаться в стороне от этого процесса и так или иначе не отразить его в своих «Трудах». На страницах издания можно найти доклады/статьи, посвященные Достоевскому,³ а также целый ряд отзывов на переводы романов Достоевского и работ биографического и критического характера о нем. Эти отзывы, приходящиеся на период с 1910 по 1920 год, не имеют подписи, однако можно уверенно утверждать, что они принадлежат перу основателя и президента Общества Эдварда А. Казалета (Edward A. Cazalet).⁴ И таким образом получается, что именно у него была возможность наиболее развернуто высказаться о Достоевском на страницах «Трудов». Необходимо, однако, отметить, что оценки и мнения Казалета в этом вопросе, с его точки зрения, опирались на впечатления от одного краткого, но запоминающегося эпизода его биографии, имевшего место задолго до того, как он встал у руля Англо-русского литературного общества.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90014 «Проблемы рецепции личности и творчества Достоевского в мировой культуре: история и современность».

¹ О восприятии русской литературы в Великобритании рубежа XIX–XX веков и ее роли в становлении литературы британского модернизма см. детальное новейшее исследование: *Beasley R. Russomania: Russian Culture and the Creation of British Modernism, 1881–1922*. Oxford, 2020. См. также классическую работу Д. Брюстера: *Brewster D. East-West Passage: A Study in Literary Relationships*. London, 1954. P. 138–184.

² Подробнее о рецепции Достоевского в англоязычном культурном пространстве в обозначенный период см.: *Muchnik H. Dostoevsky's English Reputation, 1881–1936*. Northampton, 1939.

³ См.: *Havelock H. Dostoevski // The Anglo-Russian Literary Society. Proceedings*. 1894. № 8. P. 5–15; *Forbes N. Dostoyevski // Ibid*. 1912. № 63. P. 23–25 (текст доклада Форбса отсутствует, однако опубликованы реплики участников обсуждения); сюда же с некоторой оговоркой можно отнести и заметку У. Л. Фелпса: *Phelps W. L. Extracts from an American Appreciation of Dostoevsky // Ibid*. 1916. № 75. P. 66–70 (текст (с примечанием «Получено от автора с рождественскими пожеланиями») помещен в разделе обзоров и рецензий, поскольку содержит отклики на два американских переиздания — романов Достоевского в переводе К. Гарнетт и его писем в переводе Э. К. Мэйн).

⁴ На то, что подобные материалы писались лично Казалетом, указывала еще Д. Галтон (*Galton D. The Anglo-Russian Literary Society // The Slavonic and East European Review*. 1970. № 111. P. 279). По всей видимости, в том случае, если материал давал кто-то другой из участников Общества (например, Ф. Марчент), то указывалось авторство. Кроме того, вероятно, в том числе и эту постоянную и трудоемкую работу, выполнявшуюся Казалетом, имел в виду Марчент в некрологе основателю Общества, где писал, что «в интересах А.Р.Л.О. он (Казалет. — И. А.) не жалел ни времени, ни сил, ни средств» (*Marchant F. P. Edward Alexander Cazalet // The Slavonic Review*. 1924. № 6. P. 602; здесь и далее, помимо особо оговоренных случаев, перевод мой. — И. А.).

В 1910 году Морис Бэринг публикует книгу «Landmarks in Russian Literature» («Вехи русской литературы»),⁵ и в конце того же года в № 59 «Трудов» появляется отзыв на нее, из которого особенно любопытным представляется следующий фрагмент: «Автор говорит, что „Россия — страна парадоксов“⁶ и что „чувство жалости — величайший дар русского народа“.⁷ Это верные утверждения о народе и языке, чьим реализмом и простотой мы восхищаемся.

<...>

Из двухсот девяноста девяти страниц около половины посвящены Достоевскому, которого мы видели во плоти в шестидесятые годы в Петербурге после его возвращения из сибирской ссылки. Встреча произошла вечером, на „вторнике“ у нашего старого друга, покойного А. П. Милюкова, у которого часто бывали Майков, Полонский, Всеволод Крестовский, Данилевский, Кусков (переводчик Шекспира), Берг и другие, поскольку Милюков был известен как человек, всего добившийся своими силами, как автор и проницательный критик, чьи советы часто спрашивались и учитывались авторами еще до того, как их произведения выходили в свет.

Журналы, о которых пишет господин Бэринг, в основном редактировал брат Достоевского, который был более компетентен как журналист, но издания не приносили дохода.

Достоевский, разумеется, тяжело страдал в ссылке и под влиянием эпилепсии стал странно рассеянным и болезненным («strangely absent-minded and morbid»).

Старик Милюков рассказал нам следующий анекдот:

Когда Достоевский, будучи старым разоренным вдовцом, диктовал один из своих последних романов даме-стенографистке, он в своей обычной рассеянной манере шутливо спросил ее, как ему закончить историю.

— Ну, — сказала она, — пусть герой женится на героине, как обычно.

— Но это не годится, — возразил рассеянный бедняк⁸-литератор, — потому что он очень стар, а она молода. Это было бы так же странно, как если бы я женился на Вас.

— Это не встретило бы никаких возражений, — сказала дама, и невротик писатель («the neurotic author») женился на ней.⁹

Это самая пространная из версий воспоминания Казалета о Достоевском; впрочем, к первому из этих сюжетов (в процитированном фрагменте их как минимум два — непосредственно встреча с писателем на одном из «вторников» Милюкова и рассказы последнего о трудностях журнальной деятельности братьев Достоевских и обстоятельствах женитьбы Ф. М. Достоевского на А. Г. Сниткиной, — и эти события никак не могли происходить одновременно) Казалет еще несколько раз будет возвращаться.

В черед этих «возвращений» прежде всего следует упомянуть сделанное Казалетом краткое вступление к прочитанному Н. Форбсом два года спустя докладу,¹⁰ которое, помимо прочего, доказывает, что «владельцем» вышеупо-

⁵ Baring M. Landmarks in Russian Literature. London, 1910. Рус. пер.: Беринг М. Вехи русской литературы / Пер. В. Базилевской; с предисловием Н. А. Хомякова. М., 1913.

⁶ Цитаты из Бэринга приводятся в переводе Базилевской с указанием на их местоположение в оригинальном тексте: Беринг М. Вехи русской литературы. С. 9; Baring M. Landmarks in Russian Literature. P. XIV.

⁷ Беринг М. Вехи русской литературы. С. 49; Baring M. Landmarks in Russian Literature. P. 75.

⁸ Отсылка к стихотворению Р. Киплинга «Рассеянный бедняк» («The Absent-Minded Beggar»), положенного на музыку А. Салливаном и ставшего знаковой песней времен Второй англо-бурской войны.

⁹ [Cazalet E. A.]. [Rev.:] «Landmarks in Russian Literature». By Maurice Baring (Methuen) // The Anglo-Russian Literary Society. Proceedings. 1910. № 59. P. 35–36.

¹⁰ Forbes N. Dostoyévski // Ibid. 1912. № 63. P. 23–25.

мянутого воспоминания и в целом, напомним, не имеющей подписи рецензии на книгу Бэринга является именно он: «Господин Казалет был лично знаком с Достоевским и нашел этого эпилептического гения самым меланхолическим из многих меланхолических русских писателей, особенно после его возвращения в шестидесятые годы из сибирской ссылки, которая, однако, не уменьшила его любви к человечеству и подлинного патриотизма».¹¹ Еще через год в отзыве на переводы романов «Братья Карамазовы» и «Идиот» Казалет в общих чертах упомянет об услышанном в тот вечер от Достоевского и снова сделает акцент на запомнившейся ему манере изложения писателя: «Есть что-то злое («uncanny») в болезненных («morbid») и жутких («ghastly») подробностях русской жизни, которые вскрываются и препарируются (Достоевским. — И. А.). Возьмем, к примеру, „Братьев Карамазовых“. Автор этих строк помнит, как Достоевский в своей задумчивой и рассеянной манере («in his dreamy and absent-minded manner») распространялся («splitting straws») о чести среди воров и проституток. Пройдя, как гласит русская поговорка, через огонь и воду, испытав бедность и нищету во всех проявлениях, Достоевский проявляет трогательное сочувствие к „униженным и оскорбленным“ — отсюда и его популярность среди *déclassés* (деклассированных, маргиналов. — И. А.), которые десятками тысяч шли за его гробом».¹² В конце 1914 года в отзыве на публикацию перевода сборника писем Достоевского Казалет опять укажет, что встречался с Достоевским в доме «нашего старого русского учителя» Милюкова, где также познакомился с Аполлоном Майковым и братом писателя Михаилом, и добавит, что размещенная на фронтисписе издания фотография¹³ — «точная копия Достоевского, каким <...> его видели в Петербурге по возвращении из Сибири».¹⁴ Кроме того, на этот раз Казалет укажет источник ранее приведенного им в отзыве на книгу Бэринга мнения, что из двоих братьев «Михаил был лучшим издателем», — это Милюков.¹⁵ В 1918¹⁶ и 1919¹⁷ годах Казалет только упомянет о факте своей встречи с Достоевским, а в 1920 году в отзыве на книгу Я. Лаврина «Достоевский и его творчество» для последнего выпуска «Трудов» опять напишет о своем воспоминании более подробно:

«Как уже упоминалось, автор этих строк более полвека назад познакомился с Достоевским на одном из литературных вечеров Милюкова.

Поражал болезненный, меланхолический, рассеянный, страдальческий вид («a morbid, melancholy, absent-minded, suffering look») русского писателя. Прошло не так много лет после его возвращения из Сибири, где он провел несколько лет в ссылке, так как его подозревали в сочувствии тогдашним революционерам в борьбе против царя Николая I».¹⁸

Таким образом, видим, что разрозненные высказывания Казалета по поводу его встречи с Достоевским складываются в единую и довольно непротиворечивую картину. Реконструируемый скудный в силу и своей эпизодичности, и временной отдаленности от момента рассказывания сюжет согласуется в деталях как внутри себя, так и с воспоминаниями других современников

¹¹ Ibid. P. 23.

¹² [Cazalet E. A.]. [Rev.:] «The Brothers Karamazov and the Idiot». By Fyodor Dostoevsky. Translated by Constance Garnett // The Anglo-Russian Literary Society. Proceedings. 1913. № 68. P. 61.

¹³ Имеется в виду одна из фотографий Достоевского работы К. А. Шапиро 1879 года.

¹⁴ [Cazalet E. A.]. [Rev.:] Letters of Fyodor Dostoevsky to His Family and Friends. Translated by Ethel Colburn Mayne // The Anglo-Russian Literary Society. Proceedings. 1914. № 71. P. 71.

¹⁵ Ibid. P. 71–72.

¹⁶ [Cazalet E. A.]. [Rev.:] White Nights, Etc. By Fyodor Dostoevsky. From the Russian by Constance Garnett // Ibid. 1918. № 83. P. 90–92.

¹⁷ [Cazalet E. A.]. [Rev.:] The Athenaeum (November 28th) // Ibid. 1919. № 86. P. 91–92.

¹⁸ [Cazalet E. A.]. [Rev.:] Dostoevsky and His Creation. By Janko Lavrin // Ibid. 1920. № 89. P. 79.

Достоевского, имевших отношение к описываемому событию. Действительно, по своему возвращении в Петербург Достоевский уже с конца 1859 — начала 1860 года становится постоянным посетителем собиравшегося по вторникам кружка журнала «Светоч», фактически возглавляемого Милюковым,¹⁹ откуда чуть позже будет набирать сотрудников для журнала «Время».²⁰ Впоследствии Милюков напишет воспоминания о Достоевском, где в том числе расскажет об этих вечерах, упомянув и о том, как «мало по малу Федор Михайлович начал рассказывать подробности о своей жизни в Сибири и нравах тех отверженцев, с которыми пришлось ему прожить четыре года в каторжном остроге».²¹ Милюков не называет поименно посетителей своих «вторников», зато список этих участников, частично совпадающий со списком Казалета, можно найти в воспоминаниях Н. Н. Страхова.²² Особенно информативно указание Казалетом имен П. А. Кускова²³ и Ф. Н. Берга,²⁴ которое помогает даже приблизительно датировать встречу Казалета с Достоевским. Нижней границей искомого временного периода, по-видимому, следует считать середину 1861 года, когда Берг появляется в окружении писателя.²⁵ К 1861 году также относится пора активного сотрудничества Кускова с журналом «Время», которое, однако, быстро сходит на нет; но в 1862 году он еще публикуется в журнале «Светоч» (в последний год существования издания). В 1863 году Кусков сотрудничает с «Голосом», а после и вовсе «отходит от активной литературной деятельности».²⁶ Приняв во внимание изложенные факты, можно сделать вывод, что описанная Казалетом встреча с Достоевским могла иметь место только во второй половине 1861 или в 1862 году.

¹⁹ Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского / Под ред. Н. Ф. Будановой и Г. М. Фридендера: В 3 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 289.

²⁰ Орнатская Т. И. Редакционный литературный кружок Ф. М. и М. М. Достоевских (1860–1865 гг.) // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 1988. Т. 8. С. 250. О взаимосвязи «Светоча» и «Времени» см.: Фридендер Г. М. У истоков почвенничества // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1971. № 5. С. 400–410.

²¹ Милюков А. П. Литературные встречи и знакомства. СПб., 1890. С. 210–211; впервые воспоминания Милюкова о Достоевском были опубликованы в журнале «Русская старина» (1881. Т. 30. № 3. С. 691–708; № 5. С. 33–52). В журнальной или книжной версии Казалет ознакомился с этими воспоминаниями, на что сам указывает в отзыве в № 71 «Трудов».

²² В этом часто воспроизводимом фрагменте Н. Н. Страхов писал: «Мое знакомство с Федором Михайловичем началось именно на журнальном поприще, притом еще раньше, чем стало выходить „Время“. В конце 1859 года было объявлено об издании в следующем году нового ежемесячного журнала „Светоч“ под редакцией Д. И. Калиновского. Главным сотрудником в этом журнале был А. П. Милюков, в то время мой сослуживец по одному из учебных заведений. Я предложил ему для первого же номера свою статью, первую большую статью, с которой я выступал на петербургское журнальное поприще. К великой радости, статья была одобрена, и А. П. пригласил меня в свой литературный кружок, на свои вторники, в Офицерской улице, в доме Якобса. С первого вторника, когда я явился в этот кружок, я считал себя как будто принятым, наконец, в общество настоящих литераторов и очень всем интересовался. Главными гостями А. П. оказались братья Достоевские, Федор Михайлович и Михаил Михайлович, давнишние друзья хозяина и очень привязанные друг к другу, так что бывали обыкновенно вместе. Кроме их часто являлись А. Н. Майков, Вс. Вл. Крестовский, Д. Д. Минаев, доктор С. Д. Яновский, А. А. Чумиков, Вл. Д. Яковлев и другие. Первое место в кружке занимал, конечно, Федор Михайлович: он был у всех на счету крупного писателя и первенствовал не только по своей известности, но и по обилию мыслей и горячности, с которою их высказывал» (Страхов Н. Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: [В 14 т.]. СПб., 1883. Т. 1. Биография, письма и заметки из записной книжки с портретом Ф. М. Достоевского и приложениями. С. 180–181).

²³ Белов С. В. Энциклопедический словарь «Ф. М. Достоевский и его окружение»: В 2 т. СПб., 2001. Т. 1. С. 450–451.

²⁴ Там же. С. 91–93.

²⁵ Там же. С. 92.

²⁶ Туниманов В. А. Кусков Платон Александрович // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 245–246.

Любопытна характеристика, которую Казалет дает Кускову, — «переводчик Шекспира». Она косвенно может свидетельствовать о том, что Казалет и после встречи на «вторнике» Милюкова по меньшей мере продолжал следить за литературной деятельностью Кускова, а может быть, даже и поддерживать с ним какую-то связь, поскольку перевод шекспировской трагедии «Отелло» Кусковым относится к самому концу 1860-х годов (опубликован в № 4 журнала «Заря» за 1870 год).²⁷ Более того, в № 8 «Трудов» за август–октябрь 1894 года был опубликован перевод философско-публицистической статьи Кускова «Наши идеалы. Разговор на палубе»²⁸ с пометой: «Переведено... по желанию автора».²⁹ В предшествующем же № 7 за май–июль 1894 года имя Кускова появляется в списке членов Общества,³⁰ впрочем, вскоре, во второй половине 1895 года, исчезает.³¹

Кроме того, и связь Казалета с Милюковым, по всей видимости, не оборвалась с отъездом первого из России и не осталась только воспоминанием. Можно предположить, что именно благодаря этой сохранившейся связи друг Казалета, стоявший вместе с ним у истоков Англо-русского литературного общества, чиновник Индийской гражданской службы и переводчик Дж. Поллен (John Pollen) по своему приезду в Россию оказывается «в литературных кругах», о чем говорит один из фрагментов писем Поллена, написанных им из России своей сестре и зачитанных на заседании Общества 5 мая 1903 года: «Здесь же, в Петербурге, я возвращаюсь в литературном кругу, и великий поэт Майков (русский Теннисон) и знаменитый русский критик Александр Петрович Милюков оказали мне честь своим визитом. Вчера я провел вечер с Милюковым» (датировано 23 февраля 1891 года, Санкт-Петербург).³² Вероятнее всего, что именно благодаря той или иной рекомендации Казалета для Поллена, на тот момент полжизни проведшего в Индии и не имевшего отношения к литературе, эти знакомства с Майковым и Милюковым стали возможны.

Закономерным выглядит и то, что Казалет, передавая «анекдот» об обстоятельствах объяснения Достоевского с его будущей женой, ссылается именно на Милюкова, некоторым образом действительно причастного к этому событию, поскольку ранее он поспособствовал их знакомству.³³ Однако очевидно, что версия Казалета/Милюкова является сильно искаженной в сравнении с «канонической» историей сватовства писателя, рассказанной впоследствии в мемуарах А. Г. Достоевской.³⁴ Не будем здесь полностью цитировать этот хорошо известный фрагмент из «Воспоминаний», занимающий несколько страниц, но приведем ряд перекликающихся с версией Казалета моментов.

«Я поспешила спросить Федора Михайловича, чем он был занят за последние дни.

²⁷ Там же. С. 246.

²⁸ Впервые опубликована в журнале «Русское обозрение» (1893, № 2).

²⁹ *Kuskow P. A. Our Ideals (A Conversation on Board a Steamer) // The Anglo-Russian Literary Society. Proceedings. 1894. № 8. P. 23.*

³⁰ *Ibid.* № 7. P. 54.

³¹ Последний раз в списках имя Кускова будет фигурировать в № 12 «Трудов» за май–июль 1895 года.

³² *Dr Pollen's Old Letters // The Anglo-Russian Literary Society. Proceedings. 1903. № 37. P. 8–9.*

³³ В воспоминаниях Милюков подробно описывает встречу с Достоевским, после которой при его (Милюкова) посредничестве для работы с писателем в качестве стенографистки и появилась А. Г. Сниткина. См.: *Милюков А. П. Литературные встречи и знакомства. С. 234–237.* См. также письмо Достоевского Милюкову от 13 февраля 1867 года: «Свадьба моя в среду (15 фев<р> <аля>) в Троицком Измайловском соборе, в 8-м часу вечера. Я вполне уверен, что Вы сдержите Ваше обещание (да Вы и <должны> как родоначальник всего дела)» (*Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1985. Т. 28. Кн. 2. С. 181.*)

³⁴ Мемуары создавались супругой писателя в 1911–1916 годах. Первая публикация: *Достоевская А. Г. Воспоминания. М.; Л., 1925.*

— Новый роман придумывал, — ответил он.

— Что вы говорите? Интересный роман?

— Для меня очень интересен; только вот с концом романа сладить не могу. Тут замешалась психология молодой девушки. Будь я в Москве, я бы спросил мою племянницу, Сонечку, ну, а теперь за помощью обращаюсь к вам.

Я с гордостью приготовилась «помогать» талантливому писателю.

— Кто же герой вашего романа?

— Художник, человек уже не молодой, ну, одним словом, моих лет.

— Расскажите, расскажите, пожалуйста, — просила я, очень заинтересовавшись новым романом.

И вот в ответ на мою просьбу полилась блестящая импровизация. Никогда, ни прежде, ни после, не слыхала я от Федора Михайловича такого вдохновенного рассказа, как в этот раз. Чем дальше он шел, тем яснее казалось мне, что Федор Михайлович рассказывает свою собственную жизнь, лишь изменяя лица и обстоятельства.

<...>

— И вот, — продолжал свой рассказ Федор Михайлович, — в этот решительный период своей жизни художник встречается на своем пути молодую девушку <...> Художник <...> встречал Аню в художественных кружках, и чем чаще ее видел, тем более она ему нравилась, тем сильнее крепло в нем убеждение, что с нею он мог бы найти счастье. И однако, мечта эта представлялась ему почти невозможной. <...> Да и вообще, возможно ли, чтобы молодая девушка, столь различная по характеру и по летам, могла полюбить моего художника? Не будет ли это психологической неверностью? Вот об этом-то мне и хотелось бы знать ваше мнение, Анна Григорьевна.

— Почему же невозможно? (— ответила Анна Григорьевна. — *И. А.*)³⁵

Сопоставление двух рассказов, Достоевской и Казалета, об одном и том же событии выявляет несомненное наличие общих «сюжетных элементов». Так, в обоих случаях, во-первых, речь идет о разговоре Достоевского с дамой-стенографисткой, заканчивающемся предложением писателя и женитьбой; этот факт в передаче Казалета сохраняется. Во-вторых, в обоих случаях Достоевский адресует своей собеседнице вопрос о конце романа — «мнимого» (Достоевская: «...только вот с концом романа сладить не могу») или условно подлинного (Казалет: «Достоевский <...> диктовал один из своих последних романов даме-стенографистке <...> спросил ее, как ему закончить историю»). Также можно усмотреть некоторое соответствие в характеристике тона Достоевского (Достоевская: «И вот в ответ на мою просьбу полилась блестящая импровизация. Никогда, ни прежде, ни после, не слыхала я от Федора Михайловича такого вдохновенного рассказа, как в этот раз»; Казалет: «...спросил ее шутиливо»). В-четвертых, сходны «самоописание» Достоевского в передаче Анны Григорьевны («старый, больной человек, обремененный долгами») и характеристика, даваемая в «анекдоте» Достоевскому («старый разоренный вдовец»). Наконец, в-пятых, в обеих версиях совпадает кульминационный момент диалога Достоевского и стенографистки: Достоевский утверждает «странность», «невозможность» их союза, которая опровергается его собеседницей (Достоевская: «...мечта эта представлялась ему почти невозможной»; «Почему же невозможно?»; Казалет: «Это было бы так же странно, как если бы я женился на Вас»; «Это не встретило бы никаких возражений» («It would be as strange as if I married you»; «There would be nothing objectionable»)).

Таким образом, версия Казалета в основных своих моментах строится на элементах, до определенной степени верифицирующихся воспоминаниями

³⁵ Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1987. С. 94–97.

Достоевской, но вместе с тем совершенно иным образом эти элементы комбинирует. По сравнению с рассказом супруги писателя версия Казалета имеет совершенно другое звучание, поскольку в ней радикально иначе расставлены смысловые акценты. Биографический сюжет объяснения Достоевского и А. Г. Сниткиной становится у Казалета в полном смысле анекдотом, а последняя фраза («и невротик писатель женился на ней»), на первый, поверхностный взгляд только констатирующая действительно имевший место факт из жизни исторического лица, за счет появления эпитета «невротик» играет роль своего рода пуанта, парадоксального и закономерного одновременно. Парадоксального — поскольку никак не подготавливается ходом предшествующего повествования,³⁶ что еще более подчеркивается тесным сближением в пространстве «анекдота» кульминации и развязки истории: «Достоевский» внезапно, *вдруг* совершает именно тот поступок, который в предшествующей реплике называет «странным». Закономерного — поскольку эта умышленная парадоксальность сюжета в общем контексте отзыва Казалета является лишь следствием интерпретации фигуры Достоевского как парадоксальной. Не случайно Казалет в первую очередь приводит из рассматриваемой им книги Бэринга тезис «Россия — страна парадоксов», который в оригинальном тексте непосредственно соседствует с не менее релевантными для понимания «анекдота» утверждениями: «Одно из главных затруднений, встречающихся на пути того, кто занимается изучением русских писателей, — парадоксальность русской натуры»³⁷ и «Русский характер и темперамент сбивают с толку из-за парадоксальных элементов, соединенных в них».³⁸

Тем не менее не только «Вехи русской литературы» Бэринга, по всей видимости, имели влияние на «восстановление» и переосмысление образа Достоевского Казалетом. Как рассматриваемый отзыв 1910 года, так и другие процитированные в начале статьи фрагменты-воспоминания о Достоевском несут на себе по меньшей мере следы воздействия работы Э. М. де Вогюэ «Русский роман»,³⁹ с которой Казалет, без сомнения, был знаком.⁴⁰ В частности, указание на то, что события «анекдота» происходили во время работы Достоевского над «одним из своих последних романов», представляется, не должно быть списано на «ошибку памяти», поскольку источником такой временной маркировки мог послужить именно Вогюэ. Делая в посвященном Достоевскому эссе «Религия страдания» экскурс в биографию писателя, критик сообщает следующее: «После выхода в свет „Бесов“ и возвращения Достоевского

³⁶ Отметим, что в изложении Достоевской такая развязка никак не производит сходного эффекта.

³⁷ *Bering M. Вехи русской литературы. С. 8–9; Bering M. Landmarks in Russian Literature. P. XIV.*

³⁸ *Ibid.* (перевод мой. — И. А.).

³⁹ *Vogüé E. M. de. Le Roman Russe. Paris, 1886.* Впервые эссе о Достоевском было опубликовано: *Vogüé E. M. de. Les Écrivains russes contemporains: F.-M. Dostoïevsky // Revue des deux mondes. 1885. № 67. P. 312–356.* Первый сокращенный перевод на английский вышел в Бостоне в 1887 году (*Vogüé E. M. de. The Russian Novelists. Boston, 1887*), более полный — в 1913 году в Лондоне (*Vogüé E. M. de. The Russian Novel. London, 1913*; отзыв в «Трудах Англо-русского литературного общества»: [Cazalet E. A. (?)]. [Rev.:] «The Russian Novel». By the Late Vicomte E. M. de Vogue. Translated by Colonel H. A. Sawyer // The Anglo-Russian Literary Society. Proceedings. 1913. № 68. P. 86–88), однако Казалет, прекрасно владевший французским языком (и имевший французские корни по материнской линии), скорее всего, читал эту работу Вогюэ в оригинале и, возможно, еще в журнальной версии.

⁴⁰ Как и — по-видимому, поверхностно — с самим автором: Вогюэ даже прислал Англо-русскому литературному обществу приветственное письмо, которое было зачитано на первом заседании в 1893 году, и дал свое согласие на то, чтобы состоять его участником. См. некролог Вогюэ: [Cazalet E. A. (?)]. *Viscount Eugène Melchior de Vogüé // The Anglo-Russian Literary Society. Proceedings. 1910. № 57. P. 93.*

в Россию начинается последний период его жизни с 1871 по 1881 г. Период этот был уже не так тяжел и мрачен, как предшествовавшие. Тут он вторично вступил в брак с умной и мужественной женщиной, которая помогла ему выбраться из материальных затруднений». ⁴¹ Однако, думается, можно также утверждать, что влияние работы Вогюэ на Казалета проявилось и в более существенном: подобно французскому критику, последний был склонен интерпретировать не только образы героев Достоевского, но и в целом образ писателя ⁴² сквозь призму «болезненности» и «мрачности». ⁴³ В значительной степени окрашенным в такие тона мы находим образ Достоевского в мемуарных фрагментах, представленных выше.

Таким образом, в сознании Казалета границу между личной и культурной памятью следует признать проницаемой. И потому представляется возможным говорить о том, что на страницах «Трудов Англо-русского литературного общества» Э. А. Казалет не столько раз за разом восстанавливает скучное воспоминание о кратком эпизоде своей жизни, связанном с великим писателем, сколько реконструирует при помощи средств в равной степени личного опыта и культурной памяти образ Достоевского как западноевропейского культурного героя.

⁴¹ Вогюэ Э. М. *де*. Современные русские писатели. Толстой — Тургенев — Достоевский. М., 1887. С. 61. «Русский роман» также, судя по всему, следует считать источником утверждения о тысячах «униженных и оскорбленных», провожавших Достоевского в последний путь, которое Казалет делает в отзыве 1913 года (см. выше); Там же. С. 71–72.

⁴² Ср.: «...в героях его (Достоевского. — И. А.) романов, послуживших наглядным воплощением души его» (Вогюэ Э. М. *де*. Современные русские писатели. С. 7).

⁴³ См.: «Наряду с этим он (Достоевский. — И. А.) был уже болен, и нервы были расшатаны, появлялись даже галлюцинации, и он воображал, что ему угрожают всевозможные беды»; «...это была хрупкая и живучая связка раздраженных нервов», и т. п. (Там же).

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-3-36-49

© В. М. ДИМИТРИЕВ

КАРТИНА ДОСТОЕВСКОГО И ПАНОРАМА ТОЛСТОГО: К ИСТОРИИ ОДНОЙ ПАРАЛЛЕЛИ У ВЯЧ. ИВАНОВА И АНДРЕ ЖИДА*

Вяч. Иванов в докладе «Достоевский и роман-трагедия» 1911 года и Андре Жид в лекциях о Достоевском 1922 года используют одну и ту же аналогию, чтобы подчеркнуть специфику художественной манеры Ф. М. Достоевского в сравнении с такими писателями, как Стендаль или Л. Н. Толстой. Согласно этой аналогии — и в своем пересказе мы намеренно смешиваем позиции Вяч. Иванова и Жида — Толстой может быть уподоблен художнику-плэнэристу, который рисует объемные панорамы, где свет рассеянный и обволакивающий, в то время как Достоевский — колористу-импрессионисту: в его картинах источник света один, а распределение света порождает игру теней, в которые погружены персонажи. Приведем характерные совпадения.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90014 «Проблемы рецепции личности и творчества Достоевского в мировой культуре: история и современность».